

Здесь, особенно в Академии Ханьлин, чаще всего упоминалось имя князя Юй. Он был учеником учителя, его самой гордостью и одновременно самым трудным учеником. Он был талантлив, но непослушен, одарен, но ленив. Он ненавидел заучивание наизусть, но знал «Три учения и пять канонов» лучше всех. Он не заучивал, а понимал. Так говорил учитель.

Ему даже не нужно было, чтобы кто-то объяснял, он сам понимал, что автор хотел передать. Его называли гением. Он не любил шахматы, но обожал каллиграфию, мог писать целый день, создавая собственный стиль, свободный и изящный.

К сожалению, в боевых искусствах он был не так силен. Сейчас он отправился на поиски своей свободы. Это был Лин Сюань.

Юй Лян всегда хотел встретиться с этим человеком, особенно после императорского экзамена. Тогда, в конце экзамена, он увидел картину с каллиграфией. На изображении зеленых гор было написано всего четыре слова: «Цель — в зеленых горах».

Юй Лян остановился, а затем, опомнившись, хотел уйти, но император остановил его:

— Что ты рассматривал только что?

Все четверо присутствующих замерли. Юй Лян, глядя на картину, неожиданно выпалил:

— Видя эти иероглифы, я почувствовал облегчение в груди и прилив духа.

Что это был за дух? Возможно, его вдохновил человек, написавший эти слова. Неосознанно в нем пробудилось чувство величия. Юй Лян так и подумал. Император лишь слегка кивнул и ничего не сказал.

Позже, вернувшись в академию, Юй Лян узнал, что император любит каллиграфию и живопись, но только работы своего брата. Поэтому во дворце можно было увидеть только произведения князя Юй.

Снова этот человек. Юй Лян смотрел в сторону дворца. Хуанпу Вэнь был хорошим императором, но Юй Лян почему-то всегда считал, что если бы покойный император выбрал князя Юя, все было бы лучше.

Потому что этот человек... если уж встретишь его, то поймешь, что в мире вряд ли найдется кто-то лучше него.

Чернила уже растекались по бумаге. Юй Лян взял кисть, обмакнул её и начал тщательно выводить линии, внимательно следя за каждым движением.

Лин Сюань взглянул на сосредоточенного Юй Ляна, но не сдвинулся с места. Затем он оглянулся на Сюй Цзиня, вокруг которого уже собралась толпа. Тот широкими мазками наносил краску, а затем добавлял детали тонкими штрихами. Его работа была достойной, и он завершил её довольно быстро. Люди вокруг восхищались тем, как он соединял широкие мазки.

Профессор Кун тоже кивнул. Лицо профессора Ли оставалось каменным, но он не проронил ни слова. Чу Юань продолжал улыбаться, но его взгляд на Юй Ляна стал более одобрительным.

— Профессор Кун, господин Юй успеет закончить картину? — спросил профессор Ли, взглянув на работу Юй Ляна.

— Ему не нужно заканчивать, — профессор Кун улыбнулся, поглаживая бороду. — Разве есть правило, что нужно закончить?

Лин Сюань, наблюдая за двумя стариками, которые весело беседовали на сцене, невольно махнул рукой.

Люди внизу не знали Лин Сюаня, так как он редко появлялся на улицах. Но профессора Кун и Ли прекрасно знали его. Профессор Кун уже ожидал его появления, но не придавал этому значения. Профессор Ли, однако, запаниковал, увидев Лин Сюаня, но, заметив, что тот не собирается ничего предпринимать, решил сделать вид, что не заметил его.

Но собрание явно обещало быть интересным. Чу Юань продолжал улыбаться.

Картина Сюй Цзиня была выставлена. Лин Сюань занял удобное место, чтобы рассмотреть это хваленое произведение. Первое, что бросалось в глаза, — это насыщенные цвета, но он действительно умело их использовал, уделив внимание деталям. Неудивительно, что его хвалили.

Картина Юй Ляна тоже была выставлена. Величественность дворца, даже незавершенного, уже выходила за пределы бумаги. Если бы он закончил, она, несомненно, превзошла бы работу Сюй Цзиня. Однако, несмотря на усилия контролировать незаконченное изображение, ему не хватало той же силы.

«Жаль», — подумал Лин Сюань, поднимаясь на сцену.

Юй Лян, увидев его, замер, затем быстро опустился на колени:

— Князь!

Лин Сюань остановил его, прежде чем тот успел встать.

— Этот князь просто пришел посмотреть. Не обращайтесь внимания, считайте меня тоже зрителем.

Хотя он так сказал, за Юй Ляном последовали и другие. Лин Сюань махнул рукой, подошел к картине Юй Ляна, взял кисть и написал:

— Чжуаньюань Юй, этот князь ждет, когда ты закончишь эту картину.

Если кто-то и мог рассердиться на то, что он самовольно добавил надпись, то это был Юй Лян. Но тот, опустив кисть, лишь глубоко вздохнул и продолжил рисовать. Раз князь сказал, никто не осмелился возразить. Профессор Кун, улыбаясь, поглаживал бороду, явно довольный.

Чу Юань подошел ближе, слегка наклонив голову, чтобы рассмотреть надпись:

Тысячи ли холодных гор,

В глубине камышей дрейфует одинокая лодка.

Каллиграфия князя Юя, как всегда, величественна.

Место, где он написал, было, возможно, не случайно. Оно оказалось именно там, где Юй Лян хотел оставить пустое пространство. Теперь, чтобы соответствовать каллиграфии князя, ему нужно было закончить картину как можно лучше.

Хотя Юй Лян рисовал с большим усердием, для Лин Сюаня наблюдать за этим было скучно. Он обошел сцену и произнес:

— Все выглядит неплохо.

— Князь, есть что-то, достойное вашего взгляда? — спросил Чу Юань, стоя рядом.

«Я просто так сказал из вежливости», — подумал Лин Сюань, останавливаясь. Если уж и говорить о чем-то хорошем... — Ммм, — он поднял руку, прикрывая рот, и осмотрел картины перед собой.

Хотя Сюй Цзинь ему не нравился, он не мог не признать, что тот был талантлив. По крайней мере, его работы были лучше, чем у остальных. Однако не все было так плохо. Лин Сюань подошел к небольшой картине, где были тонкие линии и необычная цветовая гамма.

— Чья это работа?

Чу Юань подошел ближе.

— Кажется, это Даньцин? — произнес он с ноткой неуверенности.

— Похоже, но нет, — Лин Сюань махнул рукой. Даньцин был его учителем каллиграфии и живописи. Покойный император пожаловал ему фамилию Хуанпу, поэтому его полное имя было Хуанпу Даньцин. Его настоящее имя уже забылось.

«Учитель Даньцин взял нового ученика?» — Лин Сюань выпрямился. — Эта работа неплохая. Этот князь выбирает её.

Все присутствующие были шокированы. На поэтических собраниях профессора выбирали понравившиеся им стихи и картины, которые затем выставлялись в Дэхуэй. Лин Сюань, хотя и появился позже, благодаря своему таланту и статусу мог выбрать одну работу. Проблема была в том, что можно было выбрать только три картины. Теперь, когда Лин Сюань выбрал одну, и не ту, на которой он оставил надпись, остальным троим пришлось решать, что выбрать.

Чу Юань первым кивнул.

— У князя отличный вкус. Я тоже хотел выбрать эту работу.

Таким образом, эта картина стала первой, которую выбрали. Слуга начал оформлять её, чтобы позже выставить для обозрения.

А картина, на которой Лин Сюань оставил надпись, тоже была уже выбрана.

Профессор Кун не скрывал своего удовлетворения учеником, но нужно было дождаться, пока Юй Лян закончит. Теперь оставалось только профессору Ли сделать выбор.

Хотя он не любил Сюй Цзиня, профессор Ли признавал, что его работа была лучшей среди представленных.

Из-за вмешательства Лин Сюаня Сюй Цзинь оказался в положении, где ему пришлось бороться за последнее оставшееся место. Однако Сюй Цзинь был человеком с большим достоинством и не показывал никакого недовольства, уверенно стоя в стороне.

Лин Сюань улыбнулся.

— Глядя на произведения этих талантов, у самого этого князя зачесались руки. Не могли бы вы подготовить бумагу и тушь, чтобы я мог нарисовать картину?

Чу Юань кивнул.

— Раз уж князь проявил интерес, то конечно. Эй вы, подготовьте бумагу и тушь!

— Остальным не стоит беспокоиться, кто хочет продолжать — продолжайте, — Лин Сюань улыбнулся, не показывая ни капли высокомерия, и подошел к столу, взяв кисть.

Сюй Цзинь знал о Лин Сюане только из рассказов других. Поскольку его работы хранились во дворце, кроме одной каллиграфии в Дэхуэй, он не знал, на каком уровне был князь. Но раз Лин Сюань предложил, Сюй Цзинь тоже подошел к своей картине, чтобы добавить детали.

Движения Лин Сюаня были непринужденными, и ничего особенного в них не было. Только Чу Юань, стоя рядом, был поражен. Лин Сюань рисовал не дворец, а горный пейзаж. Линия, словно проведенная с небес, точно разделяла горы.

На севере, за пропастью, простиралась бескрайняя степь, а с другой стороны возвышались горы, уходящие в облака.

Это был горный хребет Хэлянь возле Бочэна, хотя в реальности он не был таким высоким. Но небольшое преувеличение делало картину только лучше, не так ли?

Лин Сюань не стремился к излишней детализации. В таком величественном пейзаже излишняя точность только лишила бы его мощи. Когда Юй Лян закончил, Лин Сюань уже оформлял свою картину.

— Князь, вы не оставите надпись? — спросил Чу Юань, восхищенный мастерством Лин Сюаня.

<http://bllate.org/book/17712/1654815>